

АЗБУКА
БЕСТСЕЛЈЕР

к н и г и

ПЬЕРА ЛЕМЕТРА

Тщательная работа

Алекс

Жертвоприношения

Свадебное платье жениха

До свидания там, наверху

Три дня и вся жизнь

Пьер Леметр

ДО СВИДАНИЯ
ТАМ,
НАВЕРХУ

Роман

АЗБУКА

Санкт-Петербург

УДК 821.133.1
ББК 84(4Фра)-44
Л 44

Pierre Lemaitre
AU REVOIR L'À-HAUT
Copyright © Editions Albin Michel — Paris 2013

Издание осуществлено в рамках программы
содействия издательскому делу «Пушкин»
при поддержке Французского института в России
Cet ouvrage, publié dans le cadre du Programme
d'aide à la publication Pouchkine,
a bénéficié du soutien de l'Institut français en Russie

Programme
A Pouchkine

Перевод с французского Дарьи Мудролюбовой

Серийное оформление Вадима Пожидаева

Оформление обложки Виктории Манацковой

ISBN 978-5-389-14235-0

© Д. Мудролюбова, перевод, 2014
© Издание на русском языке,
оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2018
Издательство АЗБУКА®

Я встречу тебя на небесах, где Господь, надеюсь,
соединит нас. До свидания там, наверху, моя
дорогая супруга!

*Последние слова, написанные
Жаном Бланшаром. 4 сентября 1914 г.*

НОЯБРЬ

1918

Все те, кто думал, что война скоро закончится, уже давно умерли. На войне, разумеется. Вот почему в октябре Альбер достаточно скептически воспринял слухи о Перемирии. Он доверял им не больше, чем распространявшимся вначале пропагандистским утверждениям о том, что пули бошей настолько мягкие, что, как перезрелые груши, расплющиваются о форму, заставляя французских солдат взвизгивать от смеха. За четыре года Альбер повидал целую кучу тех самых скончавшихся от смеха, получив немецкую пулю. Он, конечно, отдавал себе отчет, что отказ поверить в то, что Перемирие вот-вот наступит, сродни магической уловке: чем сильнее надеешься на мир, тем меньше веришь в перемены, которые его предвещают, — чтобы не сглазить. Однако волны вестей о грядущем Перемирии день ото дня становились все упорнее, и уже повсюду твердили, что войне, похоже, скоро конец. Даже печатались призывы — совсем уж маловероятные — демобилизовать старослужащих, которые уже несколько лет тянут лямку на фронте. Когда наконец перспектива Перемирия стала реальной, даже у самых закоренелых пессимистов забрезжила надежда выбраться живыми. В результате в наступление никто особенно не рвался. Говорили, что 163-му пехотному дивизиону предстоит попытаться переправиться через Маас. Кое-кто еще поговаривал о том, что надо расправиться с неприятелем, но в целом в низах, если

смотреть со стороны Альбера и его товарищей, после победы союзников во Фландрии, освобождения Лилля, разгрома австрияков и капитуляции турок фанатизма сильно поубавилось, чего не скажешь об офицерах. Успешное наступление итальянских войск, взятие Турнэ англичанами, а Шатийона американцами... словом, было понятно, что лед тронулся. Многие войсковые части принялись намеренно тянуть с наступлением, четко обозначилось разделение на тех, кто, как Альбер, охотно дожидался бы конца войны, посиживая с сигаретой на вещмешке и строча письма домой, и тех, кто жаждал напоследок поквитаться с бошами. Демаркационная линия проходила аккурат между офицерами и всеми остальными. Ну и чего тут нового? — думал Альбер. Начальники жаждут оттяпать у противника как можно больше территории, чтобы за столом переговоров выступать с позиции силы. Еще чуть-чуть, и они станут уверять вас, что лишние тридцать метров могут и впрямь изменить ход конфликта и погибнуть здесь и сейчас куда полезнее, чем накануне.

К этой категории и принадлежал лейтенант д'Олнэ-Прадель. Говоря о нем, все отбрасывали имя, фамилию Олнэ, частицу «де», а заодно и дефис и называли его попросту Прадель, знали, что ему это как нож по сердцу. Действовало безотказно, так как он считал делом чести не выказывать недовольства. Классовый рефлекс. Альбер его недолюбливал. Может, потому, что Прадель был красив. Высокий, стройный, элегантный, густые, очень темные вьющиеся волосы, прямой нос, тонкие, изящно очерченные губы. И темно-синие глаза. На вкус Альбера, так отвратная рожа. При этом вечно сердитый вид. Есть такие нетерпеливые типы, что не признают умеренных скоростей: они либо мчатся во весь

опор, либо тормозят, третьего не дано. Прадель наступал, выпятив плечо вперед, будто собирался раздвинуть мебель, он резко накидывался на собеседника и вдруг садился — его обычный ритм. Это было даже забавно: он со своей аристократической внешностью выглядел одновременно страшно цивилизованным и жутко brutальным — как и эта война. Может, как раз поэтому он отлично вписался в военный пейзаж. К тому же крепкий тип — гребля и теннис, точно.

Чего еще Альбер терпеть не мог в Праделе — так это волосы. Ими поросло все, даже фаланги пальцев, черные волоски торчали из воротничка рубашки, доходя до самого кадыка. В мирное время ему явно приходилось бриться несколько раз в день, чтобы выглядеть прилично. На некоторых женщин этот волосяной покров наверняка производил впечатление — самец, дикий, мужественный, испанистый. Даже на Сесиль ничего... Впрочем, и без Сесиль Альбер на дух не переносил лейтенанта Праделя. А главное, он ему не доверял. Потому что в душе Прадель был нападающим. Ну нравилось ему идти на штурм, в атаку и чтобы все ему покорялись.

С недавних пор лейтенант малость поутих. Видно, с приближением Перемирия его боевой дух резко сдал, подорвав патриотический порыв. Мысль о конце войны была способна dokonать лейтенанта Праделя.

Он выказывал признаки нетерпения, что внушало беспокойство. Его раздражал недостаток рвения у подчиненных. Прадель расхаживал по траншее, сообщая солдатам фронтовые сводки, но, сколько бы он ни вкладывал воодушевления, вещая, что мы раздавим врага и прикончим его последней пулеметной очередью, в ответ раздавалось лишь невнятное

брюзжание, люди покорно кивали, потупившись. За этим стоял не просто страх смерти, а страх, что придется умереть сейчас. Погибнуть последним, думал Альбер, все равно что погибнуть первым — глупее не придумаешь.

Но именно это им и предстояло.

До сих пор в ожидании Перемирия все было относительно спокойно, и вдруг внезапно все пришло в движение. Сверху спустили приказ подобраться к бошам вплотную и поглядеть, что у них творится. Однако и без генеральских погон нетрудно было догадаться, что боши делают ровно то же, что и французы: ждут не дождутся конца войны. Так нет же, было велено убедиться в этом лично. Начиная с этого момента никто уже не мог восстановить точную последовательность событий.

Для выполнения рекогносцировки лейтенант Прадель отправил в разведку Луи Терье и Гастона Гризонье. Трудно сказать, почему именно их — первогодка и старика, может, чтобы соединить энергию и опыт. В любом случае и то и другое оказалось бесполезным, потому что жить посланным оставалось не больше получаса. По идее они не должны были забираться слишком далеко. Им предстояло углубиться на северо-восток метров на двести, в нескольких местах перекусить колючую проволоку, потом доползти до второго ряда проволочного ограждения, наскоро оглядеться и двигать назад, чтобы доложить, что все в порядке, тем более что заранее было ясно, что там и смотреть-то не на что. Терье и Гризонье, впрочем, не слишком опасались подобраться к неприятелю вплотную. Если они и обнаружат бошей, то, учитывая сложившуюся в последние дни ситуацию, те позволят им посмотреть и вернуться, — все ж какое-никакое развлечение. Только вот когда наши наблюдатели, согнувшись в три погибели, добрались

до немецкой линии обороны, их подстрелили, как кроликов. Просвистели пули. Три. Затем воцарилась тишина; противник счел, что дело сделано. Наши было попытались разглядеть, что там стряслось, но так как Терье и Гризонье отклонились к северу, то нам не удалось засечь, где именно их подбили.

Солдаты вокруг Альбера затаили дыхание. Потом раздались крики. Сволочи! Чего еще ждать от этих бошей? грязные подонки! варвары! и все такое. К тому же погибли солдат-первогодок и «дед». Какая, в общем-то, разница, кто погиб, но всем казалось, что застрелили не просто двух французских солдат, а два символа. Короче, все пришли в ярость.

В следующие минуты артиллеристы из тыла с несвойственной им быстротой снарядами 75-го калибра жахнули по немецким оборонительным линиям (и откуда только узнали, что стряслось?).

И понеслось.

Немцы открыли ответный огонь. Французы без промедления подняли всех в атаку. Пора свести счеты с этими гадами! На календаре было 2 ноября 1918 года.

Кто ж знал, что не пройдет и десяти дней, как война будет окончена.

К тому же напали-то в День поминовения усопших. Даже если не придавать значения символам, а все же...

Снова в полной сбруе, подумал Альбер, готовясь лезть на эшафот (это лестница, по которой выбирались из траншеи, — понятна перспектива?), чтобы без оглядки ринуться на вражеские ряды. Парни, выстроившись друг за другом, вытянувшись как струна, нервно сглатывали слюну. Альберт стоял третьим в цепочке, вслед за Берри и молодым Перикуром, тот обернулся, будто хотел удостовериться, что все точно здесь. Их взгляды встретились. Перикур

улыбнулся Альберу — будто мальчишка, собравшийся отколоть номер. Альбер попытался выдавить улыбку, но не смог. Перикур вернулся в строй. В ожидании сигнала к атаке в воздухе физически повисло напряжение. Французы, оскорбленные поведением бошей, теперь сосредоточились на овладевшей ими ярости. Над головами снаряды с обеих сторон прочерчивали небо, удары сотрясали землю даже в траншеях.

Альбер поглядел вдаль, высунувшись из-за плеча Берри. Лейтенант Прадель, стоя на приступке, в бинокль изучал вражеские ряды. Альбер снова встал в строй. Если бы не шум, он мог бы поразмыслить о том, что именно привлекло его внимание, но пронзительный свист не прекращался, пресекаемый лишь разрывами снарядов, сотрясавшими тело с головы до ног. Попробуй-ка сосредоточиться в таких условиях!

В данный момент парни застыли в ожидании сигнала к атаке. Стало быть, самое время приглядеться к Альберу.

Альбер Майяр, стройный молодой человек, малость флегматичный, скромный. Он был не слишком разговорчив, у него лучше ладилось с цифрами. До войны он служил кассиром в отделении банка «Унион паризьен». Работа ему не слишком нравилась, но он не уволился из-за матери. Как-никак единственный сын, а мадам Майяр обожала любых начальников. Подумать только, Альбер — директор банка! Ясное дело, она немедленно преисполнилась энтузиазма: уж Альбер («с его-то умом») не преминет добраться до самого верха служебной лестницы. Слепое обожание власти она унаследовала от отца, тот был помощником заместителя главы департамента в министерстве почты, и тамошняя административная иерархия казалась ему олицетворением

мироустройства. Мадам Майяр любила всех начальников без исключения. Без различия их качеств и происхождения. У нее имелись фотографии Клемансо, Морраса, Пуанкаре, Жореса, Жоффра, Бриана... С тех пор как скончался ее супруг, возглавлявший бригаду облаченных в униформу музейных смотрителей Лувра, знаменитости доставляли ей незабываемые ощущения. Альбер, скажем прямо, не горел на работе, но не перечил матери — все же так с ней легче. И тем не менее он пытался строить собственные планы. Хотел уехать, мечтал о Тонкине, правда так, туманно. Во всяком случае, хотел оставить бухгалтерию и заняться чем-нибудь другим. Но он был не слишком скор, ему на все требовалось время. К тому же вскоре появилась Сесиль, он немедленно втюрился: глаза Сесиль, губы Сесиль, улыбка Сесиль и, само собой, грудь Сесиль, попка, о чем тут еще можно думать?!

В наши дни Альбер Майяр считался бы не слишком высоким — метр семьдесят три, — но в то время это было вполне. Девушки поглядывали на него. Особенно Сесиль. Ну в общем... Альбер долго пялился на Сесиль, и в результате — когда на тебя так смотрят, почти не сводя глаз, — она, естественно, заметила, что он существует, и в свою очередь посмотрела на него. Лицо у него было трогательное. Во время битвы на Сомме пуля оцарапала ему висок. Он здорово испугался, но в итоге остался лишь шрам в форме скобки, который оттянул глаз чуть в сторону — такой тип лица. Когда Альбер получил увольнение, очарованная Сесиль мечтательно погладила шрам кончиком указательного пальца, что вовсе не способствовало поднятию боевого духа. В детстве у Альбера было бледное, почти круглое личико, с тяжелыми веками, придававшими ему вид печального Пьеро. Мадам Майяр, решив, что сын такой бледный

оттого, что у него малокровие, отказывала себе в еде, чтобы кормить его хорошей говядиной. Альбер много раз пытался объяснить ей, что она заблуждается, но мать не так-то легко было переубедить, она находила все новые примеры и доводы, страх как не хотела признать, что была не права, даже в письмах пережевывала то, что случилось давным-давно. Ужасно утомительно. Поди знай, не потому ли Альбер, как началась война, сразу записался в добровольцы. Узнав об этом, мадам Майяр разохалась, но она так привыкла работать на публику, что было невозможно определить, что за этим кроется — тревога за сына или желание привлечь к себе внимание. Она вопила, рвала на себе волосы, впрочем быстро взяла себя в руки. Так как о войне у нее были самые расхожие представления, она тотчас прикинула, что Альбер («с его-то умом») вскорости отличится и его повысят; вот он в первых рядах идет в атаку. Она уже вообразила, что он совершает геройский поступок, его немедленно производят в офицеры, он становится капитаном, бригадиром, а там и генералом, на войне такое случается сплошь и рядом. Альбер, не вникая в ее речи, собирал чемодан.

С Сесиль все вышло совсем по-другому. Война ее не пугала. Во-первых, это «патриотический долг» (Альберт был удивлен, он ни разу не слышал этих слов из ее уст), и потом, на самом деле нет никаких причин страшиться войны, ведь это почти что формальность. Все так говорят.

У Альбера-то закрадывались некоторые сомнения, но Сесиль была сродни мадам Майяр — у нее имелись твердые представления. Ее послушать, так война продлится недолго. И в это Альбер почти что готов был поверить; Сесиль, с ее руками, нежным ротиком и всем прочим, могла заявить Альберту все, что угодно. Кто не знает Сесиль, тот вряд ли поймет,

думал Альбер. Для нас с вами эта Сесиль всего лишь хорошенькая девушка. Но для него — совсем другое дело. Каждая клеточка ее тела состояла из особых молекул, ее дыхание источало особенный аромат. Глаза у нее были голубые, конечно, вам от этих глазок ни жарко ни холодно, но для Альбера это была пропасть, бездна. Или хоть взять ее губы — на миг поставьте себя на место нашего Альбера. С этих губ он срывал такие горячие и нежные поцелуи, что у него сводило живот и что-то взрывалось внутри, он ощущал, как ее слюна перетекает в него, он упивался, и эта страсть была способна творить такие чудеса, что Сесиль была уже не просто Сесиль. Это было... Так что пусть она себе утверждает, что с войной справятся в два счета, Альберу так хотелось, чтобы в два счета Сесиль справилась и с ним...

Теперь-то он, ясное дело, смотрел на вещи совсем иначе. Он понимал, что война — всего лишь гигантская лотерея, где вместо шариков крутятся настоящие пули, и уцелеть в этой войне все четыре года и есть настоящее чудо.

А оказаться похороненным заживо, когда до конца войны рукой подать, — это уж точно вишенка на торте.

А между тем дело шло именно к этому.

Погребен заживо. Альбертик.

Сам виноват, что не повезло, сказала бы его матушка.

Лейтенант Прадель повернулся к своему подразделению, его взгляд уперся в первую шеренгу, стоявшие справа и слева смотрели на него как на мессию. Лейтенант кивнул и набрал воздуха в грудь.

Несколько минут спустя Альбер, пригнувшись, бежал в крошечном аду, ныряя под артиллерийскими снарядами и свистящими пулями, изо всех сил сжимая винтовку, грузный шаг, голова втянута

в плечи. Солдатские башмаки вязли в земле, так как в последние дни шел непрерывный дождь. Одни рядом с ним орали как сумасшедшие, чтобы захмелеть и расхрабриться. Другие держались так же, как он, — сосредоточенно, живот скрутило, в горле пересохло. Все бросились на врага, движимые последней вспышкой гнева, жаждой мести. Это, наверное, срикошетило объявленное Перемирие. Людям довелось пережить столько, что теперь, в самом конце войны, когда погибло множество товарищей, а столько врагов остались в живых, им, наоборот, хотелось устроить бойню и покончить со всем этим раз и навсегда. Они разили не глядя.

Даже Альбер, с ужасом сознававший близость смерти, рубанул бы по первому встречному. Но все пошло иначе. Во-первых, ему пришлось взять правее, чем нужно. Поначалу он бежал в направлении, указанном лейтенантом, но под свистом снарядов и пуль солдаты поневоле метались из стороны в сторону. К тому же бежавшего впереди Перикюра подстрелили, и он рухнул практически под ноги Альберу, тот с трудом перепрыгнул через него. Потеряв равновесие, Альбер пробежал по инерции несколько метров и наткнулся на тело «деда» Гризонье, чья неожиданная гибель дала толчок этой последней бойне.

Несмотря на свистевшие вокруг пули, Альбер, наткнувшись на лежащего, застыл на месте.

На самом деле он узнал его френч, потому что Гризонье всегда носил эту красную штучку в петлице — мой «орден Почетного легиона», приговаривал он. Гризонье большим умом не отличался. Тактом тоже, но он был славным парнем, и все его обожали. Это был он, точно он. Его большая голова

как бы вдавилась в грязь, а тело рухнуло как-то наперекосяк. Совсем рядом Альбер заметил юнца Луи Терье. Тот тоже лежал, зарывшись в грязь, скорчившись, как ребенок. Как трогательно — умереть в таком возрасте и в подобной позе...

Альбер не понял, что на него нашло; мелькнула интуитивная догадка, он схватил Гризонье за плечо и потрянул. Мертвец тяжело качнулся и перевалился на живот. До него дошло не сразу — до Альбера то есть. Потом его как резануло: нельзя умереть, получив две пули в спину, когда идешь на врага.

Он перешагнул через труп и сделал несколько шагов, по-прежнему пригибаясь, поди знай зачем: какая разница, согнулись вы или выпрямились во весь рост, — пули вас так или иначе достанут, но люди рефлекторно стремятся как можно сильнее уменьшить площадь поражения, будто всю войну провели, страшась гнева Небес. И вот Альбер смотрит на тело малыша Луи. Тот прижал ко рту стиснутые кулаки. С ума сойти, как по-детски он выглядит в свои двадцать два! Лица Альбер не видит, оно заляпано грязью. Он видит лишь спину Луи.

Пуля. Если прибавить две пули, попавшие в «деда», то это уже три. И выстрелов было три.

Альбер встает, все еще ошарашенный этим открытием. Тем, что это означает. Спустя несколько дней после объявления Перемирия парни теперь не так уж рвались пощипать бошей, единственный способ подтолкнуть их идти в атаку — это вызвать взрыв возмущения: так где, стало быть, находился Прадель, когда эти парни получили пулю в спину?

О боже!..

Ошеломленный этим выводом, Альбер обернулся и тотчас в нескольких метрах увидел лейтенанта Праделя, который стремительно, насколько позволяла амуниция, мчался к нему.

Он решительно двигается прямо на него, не сводя с него глаз. Альбер прикован к нему, особенно к этому светлому, направленному в упор взгляду. Все сходится. В его голове разом вспыхивает вся картина.

И в этот миг Альбер понимает, что это смерть.

Он пытается сделать несколько шагов, но не может сдвинуться с места: ни мозг, ни тело ему не повинуются. Все разворачивается слишком быстро. Я ведь вам говорил, что у него, у Альбера то есть, не слишком хорошая реакция. В два счета Прадель набросился на него. Рядом была широченная яма — воронка от снаряда. Лейтенант плечом заехал Альберу в грудь, перебив дыхание. Альбер оступился, попытался удержаться и опрокинулся в яму, раскинув руки.

И пока он опускался в грязь, перед ним, медленно удаляясь, проплыло лицо Праделя, теперь Альбер понял сквозящие в его взгляде браваду, уверенность и дерзкий вызов.

Приземлившись на дно воронки, Альбер перекатился через себя, вещмешок чуть смягчил падение, ногой он зацепился за винтовку, сумел подняться и тотчас вжался в крутой склон, будто прислонился к дверному косяку, боясь, что его услышат или застигнут врасплох.

Встав поустойчивее (суглинок был мыльно-скользкий), он попытался восстановить дыхание. Мысли, обрывочные и беспорядочные, то и дело возвращались к ледяному взгляду лейтенанта Праделя. Там, наверху, сражение, похоже, охватило всю местность. Белесое небо было усеяно гирляндами огней. Его озаряли синие и оранжевые светящиеся трассеры. Снаряды с обеих сторон падали обломным дождем, с плотным непрерывным грохотом, свист и взрывы сливались в сплошной гром. Альбер посмотрел

Леметр П.

Л 44 До свидания там, наверху : роман / Пьер Леметр ; пер. с фр. Д. Мудролюбовой. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2018. — 544 с. — (Азбука-бестселлер).

ISBN 978-5-389-14235-0

«До свидания там, наверху» — роман Пьера Леметра, который можно было бы назвать «Живые и мертвые». Выжить на Первой мировой, длившейся долгих четыре года, — огромное счастье и огромное везение. Так почему герои романа, художник Эдуар и его друг Альбер, чудом уцелевшие в кровавой бойне, завидуют павшим товарищам, а их несбыточной мечтой оказываются новые ботинки и ампула с морфином? Тогда как хладнокровно распоряжавшийся их жизнями капитан Анри д'Олнэ-Прадель с легкостью зарабатывает миллионы на... гробах для перезахоронения павших на этой войне.

Перед нами роман-фреска, роман-событие, увенчанный Гонкуровской премией, крупная литературная рыба на безрыбье последних лет.

Осенью 2017 года на европейских экранах с огромным успехом прошел фильм Альбера Дюпонтеля «До свидания там, наверху», который критики расценили как «замечательный фильм, снятый по выдающейся книге».

УДК 821.133.1
ББК 84(4Фра)-44

Литературно-художественное издание

ПЬЕР ЛЕМЕТР
ДО СВИДАНИЯ ТАМ, НАВЕРХУ

Ответственный редактор Галина Соловьева
Художественный редактор Виктория Манацкова
Технический редактор Татьяна Раткевич
Корректоры Светлана Федорова, Нина Тюрина
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 11.01.2018. Формат издания 84 × 100^{1/32}.
Печать офсетная. Тираж 3000 экз. Усл. печ. л. 26,52.
Заказ № .

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
119334, г. Москва, 5-й Донской проезд, д. 15, стр. 4
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А
ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
04073, г. Киев, Московский пр., д. 6 (2-й этаж)
Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В Москве: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
Тел.: (495) 933-76-00, факс: (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru; info@azbooka-m.ru

В Санкт-Петербурге:

Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
Тел.: (812) 327-04-55, факс: (812) 327-01-60
E-mail: trade@azbooka.spb.ru; atticus@azbooka.spb.ru

В Киеве: ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua

Информация о новинках и планах, а также условия сотрудничества
на сайтах: www.azbooka.ru, www.atticus-group.ru

Y-ABA-22454-01-R